

УДК 349:340.5(5-191.2)
AGRIS P01

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/34>

ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

©*Тукубашева А. И.*, SPIN-код: 7343-7505, канд. юрид. наук, Кыргызско-российский славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, atukubasheva@mail.ru
©*Байгазиева Д. М.*, SPIN-код: 2753-8945, канд. юрид. наук, Кыргызско-российский славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, damira103@mail.ru
©*Мирлан кызы И.*, Кыргызско-российский славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, ibadatka2000@gmail.com

WATER LEGISLATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

©*Tukubasheva A.*, SPIN-code: 7343-7505, PhD., Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, atukubasheva@mail.ru
©*Baygazieva D.*, SPIN-code: 2753-8945, Ph.D., Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, damira103@mail.ru
©*Mirlan kzy I.*, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, ibadatka2000@gmail.com

Аннотация. Предложен краткий обзор национальных законодательств стран Центральной Азии в сфере водопользования, определены ключевые вызовы и проблемы, связанные с трансграничным использованием водных ресурсов. Анализируются международно-правовые основы регулирования водных ресурсов и их имплементация в национальные правовые системы. Исследуются международные споры по вопросам использования водных объектов и особенности их правового урегулирования. Подчеркивается, что одним из механизмов разрешения противоречий между странами Центральной Азии в контексте урегулирования спорных вопросов является организация эффективной системы межгосударственного сотрудничества.

Abstract. This article provides a brief overview of the national legislation of Central Asian countries in the field of water use and identifies key challenges and problems related to the transboundary use of water resources. It analyzes the international legal framework for regulating water resources and their implementation into national legal systems. Furthermore, it examines international disputes regarding the use of water bodies and the specifics of their legal settlement. It is emphasized that one of the key mechanisms for resolving contradictions among Central Asian countries, in the context of legally settling disputed issues, is the organization of an effective system of interstate cooperation.

Ключевые слова: водные ресурсы, Центральная Азия, национальное водное законодательство, международное право, управление водными ресурсами.

Keywords: water resources, Central Asia, national water legislation, international law, water resources management.

Определяя уровень энергетического и промышленного потенциала государства, водные ресурсы имеют важное стратегическое значение для его экономического развития. На протяжении длительного периода страны Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан) испытывали недостаток в водных ресурсах, а после обретения ими независимости данная проблема усугубилась трансграничным характером водных объектов и необходимостью разрешения некоторых региональных проблем в их использовании. Фундаментальные конфликты, возникающие между странами Центральной Азии в области использования водных ресурсов, обусловлены в большей степени расхождением потребностей стран, принадлежащих к разным частям речных бассейнов главных рек региона — Амударьи и Сырдарьи. Так, Кыргызстан (КР) и Таджикистан (РТ) как страны верхнего течения обладают значительными водными ресурсами и используют их для выработки электроэнергии на круглогодичной основе [1].

Данная особенность позволяет этим странам «спускать» воду не только в летний, но и в зимний период. Кроме того, нельзя не признать, что водные ресурсы являются стратегическим инструментом политического давления, позволяющего Кыргызстану и Таджикистану оказывать воздействие на страны нижнего течения — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. В частности, известны случаи, когда страны верхнего течения требовали от этих стран финансовой компенсации за использование водного стока, что, безусловно, вызвало некоторое возмущение и сопротивление [2].

Страны нижнего течения являются главными потребителями воды в регионе и используют водные ресурсы в качестве источника орошения. В данном контексте прослеживается достаточно сильная зависимость Казахстана (РК), Узбекистана (РУ) и Туркменистана от водно-энергетического потенциала стран верхнего течения, особенно в вегетационный период. Особенность строения водохранилищ, расположенных в верховьях Амударьи и Сырдарьи, позволяет Кыргызстану и Таджикистану контролировать значительный объем водных ресурсов и самостоятельно регулировать водный сток, поступающий в страны низовья. Это создает почву для возникновения межгосударственных конфликтов, когда вода из объединяющего ресурса превращается в инструмент политических разногласий. Демографические проблемы и значительные изменения климата также оказывают непосредственное воздействие на политику стран в области распределения водных ресурсов. В частности, прирост населения в условиях дефицита воды способствует более интенсивному использованию водных ресурсов, что впоследствии ведет к истощению региональных и местных источников водопользования. Кроме того, увеличение численности населения сопровождается ростом объемов производства продовольствия, урбанизацией и индустриализацией, а также ухудшением качества воды. Правовое обеспечение водопользования представляет собой систему нормативно-правовых актов, регулирующих не только особенности национальной политики управления водными ресурсами, но и вопросы совместного использования трансграничных вод. Большинство экспертов подчеркивают, что нынешнее законодательство стран Центральной Азии в области водных ресурсов является логичным пережитком старой советской системы, носившей плановый и централизованный характер [3].

В период советской власти вопрос о распределении водных ресурсов не являлся для стран настолько проблематичным и противоречивым, поскольку водопользование было основано на конкретных лимитах и балансе договорных обязательств. Если говорить о совместном использовании речного стока трансграничных вод, его регулирование прежде всего было направлено на достижение общего результата — получение общей экономической выгоды. При этом приоритетным направлением в развитии региона являлось орошаемое

земледелие в странах нижнего течения. Проблемы пользования водными ресурсами, в том числе связанные с трансграничными речными стоками, стали возникать после распада СССР и обретения странами своей независимости. Ситуация усугублялась переходом стран от плановой к рыночной экономике, когда существенно изменился режим функционирования крупных водохранилищ — из ирригационного в энергетический. Пользуясь сложившимися условиями, страны верхнего течения усилили работу по увеличению объема гидроэнергии, что стало противоречить политике водопользования стран нижнего течения. В результате неурегулированные вопросы совместного пользования водными ресурсами создали почву для возникновения острых разногласий.

Обретя независимость и суверенитет, страны Центральной Азии кардинальным образом сменили курс в управлении водными ресурсами, отказавшись от прежней централизованной системы их распределения. Переход к рыночным отношениям усилил стремление государств к разработке собственных национальных программ водопользования, основанных прежде всего на национальных интересах — зачастую в ущерб интересам соседей. Однако полностью отказаться от механизмов урегулирования водных вопросов, сложившихся в советский период, страны не смогли и предприняли попытку организовать переговорный процесс. Так, в октябре 1991 года водохозяйственные ведомства региона приняли Ташкентское заявление, предполагавшее совместное использование ресурсов на общих началах и с учетом мнения каждого государства. В дальнейшем был принят ряд важных документов, включая межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников» от 18 февраля 1992 года и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) от 5 декабря 1992 года. Приняв эти документы, страны Центральной Азии выразили намерение согласовывать действия по совместному использованию трансграничных водных ресурсов региона. В условиях растущего дефицита воды вопросы правового регулирования водопользования приобретают особое значение. Единство управления водными ресурсами обеспечивается нормами конституционного законодательства, которые рассматривают воду не только как стратегический государственный актив, но и как незаменимый элемент устойчивого развития.

Так, важной особенностью конституций стран Центральной Азии является то, что вода как природный ресурс представляется в качестве исключительной собственности государства, общенационального богатства (п. 1 ст. 16 Конституции КР, ст. 13 Конституции РТ, ст. 68 Конституции РУ и ст. 14 Конституции Туркменистана). В Основном законе РК отмечается, что вода, как и другие природные ресурсы, принадлежит народу, от имени которого право собственности осуществляется государством (п. 3 ст. 6) [7-11].

Нахождение водных ресурсов исключительно в государственной собственности предполагает также ответственное отношение уполномоченных государственных органов к управлению, рациональному и эффективному пользованию ими. Государства Центральной Азии берут на себя обязательства по обеспечению особой охраны и защиты водных объектов в условиях прогнозируемого дефицита воды. В целях эффективной практической реализации конституционные положения о статусе водных ресурсов глубоко интегрированы в самостоятельные кодифицированные акты — водные кодексы. Данные акты призваны не только детализировать конституционные основы управления водными объектами, но и устанавливать конкретные механизмы по защите воды от истощения и незаконного использования.

Ключевым элементом водного законодательства стран Центральной Азии является переход от административного к бассейновому принципу управления водными ресурсами,

осуществляемому в пределах естественных речных бассейнов. Введение данного принципа обусловлено необходимостью обеспечения согласованной, интегрированной политики управления не только водными, но и иными природными ресурсами. Он находит свое отражение в перечне ключевых принципов управления водными ресурсами, закрепленных в водных кодексах государств (ст. 6 Водного кодекса КР, ст. 4 Водного кодекса РК, ст. 6 Водного кодекса РУ, ст. 4 Водного кодекса РТ). В отличие от своих соседей по региону, Туркменистан не отказывается полностью от действующего административно-территориального принципа управления водными ресурсами и закрепляет в Водном кодексе принцип его сочетания с бассейновым управлением (ст. 4) [12-16].

Ключевым элементом принципа бассейнового управления является создание бассейновых советов — специализированных органов, служащих для обеспечения тесного взаимодействия между органами государственной власти, органами местного самоуправления, представителями бизнеса и населением. Бассейновые советы выполняют разные функции — от участия в интегрированной системе управления водными ресурсами до разрешения водных конфликтов на местах.

Отечественные бассейновые советы являются представительными органами и призваны решать актуальные вопросы водопользования. В ст. 11 Водного кодекса также отмечается, что они создаются для каждого главного бассейна и принимают непосредственное участие в разработке бассейновых планов, утверждаемых в дальнейшем Национальным советом по водным и земельным ресурсам. Бассейновые советы в Казахстане представляют собой консультативно-совещательные органы, создаваемые в пределах соответствующего бассейна. Важным условием их функционирования является обеспечение баланса интересов всех заинтересованных сторон, входящих в состав бассейновых советов. В рамках реформирования водного законодательства Казахстана бассейновые советы расширили перечень своих полномочий. В частности, согласно ст. 65 Водного кодекса Казахстана, бассейновые советы рассматривают вопросы относительно установления лимитов водопользования и тарифов на воду, обновления бассейновых планов в 8 водохозяйственных бассейнах, устранения выявленных нарушений и др. Обязанности по организации функционирования бассейновых советов возлагаются на бассейновые водные инспекции.

В Таджикистане институциональными органами, обеспечивающими интегрированное управление водными ресурсами, являются бассейновые организации рек (БОР) и бассейновые советы рек (БСР). Так, в ст. 23 Водного кодекса закреплено, что БОР как структурные подразделения Министерства энергетики и водных ресурсов РТ выполняют следующие функции: организация интегрированного управления водными ресурсами; планирование использования водных объектов; мониторинг использования водных объектов; реализация бассейновых планов по управлению водными ресурсами в бассейновых зонах [15].

В свою очередь, БСР являются консультативно-совещательными органами, создаются в пределах соответствующих бассейновых зон (Сырдарьинской, Зеравшанской, Пянджской, Вахшской и Кафирниганской) и принимают активное участие в обсуждении проектов бассейновых планов. Управление водными ресурсами в Узбекистане осуществляется на основе бассейнового и гидрографического принципов, согласно которым территория страны подразделяется на соответствующие бассейновые зоны (например, Нижнеамударьинская, Сурхандарьинская и др.). Специально уполномоченным органом в сфере управления водными ресурсами является Министерство водного хозяйства РУ, которое осуществляет свою деятельность через исполнительные органы — бассейновые управления ирригационных систем (БУИС). В структуре БУИС предусмотрены коллегиально-консультативные органы — бассейновые советы, целью которых является обеспечение прозрачности и справедливости

распределения водных ресурсов, а также решение возникающих ирригационных споров. Данные органы также играют важную роль при согласовании лимитов и квот водозабора, обсуждении и принятии соответствующих бассейновых планов и привлечении общественности к решению актуальных вопросов в сфере водопользования. В условиях активного реформирования водного сектора бассейновые советы делают упор на использование современных технологических решений. К примеру, для обеспечения точного слежения за объемом воды БУИС и бассейновые советы функционируют посредством единой информационной платформы, которая объединяет 11 отраслевых программ и «Узбеккосмос». Еще одним важным достижением водных реформ, осуществляемых в указанных странах, является «сближение» экологических стандартов посредством синхронизации использования трансграничных водных ресурсов [17].

Данный механизм подразумевает лимитирование объемов водозабора и водно-энергетический обмен ресурсами между странами верхнего и нижнего течений. Так, согласно утвержденным МКВК лимитам водозабора на 2025–2026 гг., общий лимит воды для бассейна Амударьи составляет 55,4 млрд м³ и 15,86 млрд м³ на межвегетационный период. В свою очередь, для бассейна Сырдарьи установлен лимит водозабора в объеме 4,3 млрд м³. Кроме того, в рамках подписанного между Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном водно-энергетического протокола зафиксированы параметры обмениваемых водных ресурсов. Так, Кыргызстан будет использовать поставляемую Казахстаном и Узбекистаном электроэнергию для накопления воды в Токтогульском водохранилище, а в вегетационный период накопленный объем воды будет поставляться в страны нижнего течения для сельскохозяйственных нужд. Подводя итог анализу ключевых положений водного законодательства стран Центральной Азии, необходимо отметить следующее:

Во-первых, водное законодательство стран Центральной Азии служит фундаментальной правовой основой для регулирования водных ресурсов и обеспечения эффективного взаимодействия государств в данном секторе. Однако критический дефицит водных ресурсов и глобальные изменения климата обусловили необходимость комплексного и синхронного обновления положений водных кодексов.

Во-вторых, радикальные реформы водного сектора сопровождаются не только организационными, но и институциональными изменениями. В частности, для большинства стран центральноазиатского региона характерен переход от административно-командного управления водными ресурсами к бассейновому принципу. Исключением является Туркменистан, который, хотя и закрепил его в Водном кодексе, в реальности сохраняет приоритет действовавшего ранее подхода к управлению водными ресурсами. Для обеспечения эффективной реализации бассейнового принципа созданы бассейновые советы — специализированные органы, представляющие интересы органов государственной власти, органов местного самоуправления, неправительственных организаций и гражданского общества.

В-третьих, водные ресурсы представляют собой важный инструмент региональной интеграции, позволяющий странам исключить политизацию вопросов водообмена и достичь так называемого «гидродоверия». При этом фокус правового регулирования сместился с бесплатного распределения воды в регионе на цифровой учет водозабора и использование стратегических рыночных механизмов.

Список литературы:

1. Садырбаев К. Ж. Трансграничное водопользование в Центральной Азии: между конфликтами и сотрудничеством // Вестник Кыргызского национального университета. 2020. №12(4). С. 88.

2. Zakhidov N. Water resources management in Central Asia: Conflicts and cooperation // *Environmental Politics*. 2008. V. 17. №3. P. 451–470.
3. Жильцов С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. №1. С. 90-100.
4. Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана. 1991. <http://www.icwc-aral.uz/>
5. Межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» от 18 февраля 1992 г. <http://www.icwc-aral.uz/>
6. Положение о Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК) от 5 декабря 1992 г. <http://www.icwc-aral.uz/>
7. Конституция Кыргызской Республики. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. <https://cbd.minjust.gov.kg/>
8. Конституция Республики Таджикистан. В редакции референдума от 22 мая 2016 г. <https://mfa.tj/ru/bishkek/tadzhikistan/konstitutsiya>
9. Конституция Республики Узбекистан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 мая 2023 г). <https://online.zakon.kz/>
10. Конституция Туркменистана (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21 января 2023 г). <https://online.zakon.kz/>
11. Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 сентября 2022 г). <https://online.zakon.kz/>
12. Водный кодекс Кыргызской Республики от 27 июня 2025 г №128. <https://cbd.minjust.gov.kg/>
13. Кодекс Республики Казахстан «Водный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 января 2026 г). <https://online.zakon.kz/>
14. Водный кодекс Республики Узбекистан. Утвержден Законом Республики Узбекистан от 30 июля 2025 г №ЗРУ-1076). <https://online.zakon.kz/>
15. Водный кодекс Республики Таджикистан от 2 апреля 2020 г №1688. <https://continent-online.com/>
16. Водный кодекс Туркменистана (с изменениями и дополнениями по состоянию на 3 июня 2023 г). <https://online.zakon.kz/>
17. Адамкулова Ч. У., Айтбаев Ж. К., Данков А. Г., Джоробекова А. Г., Доскожаева А. К. Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016-2023 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. №87. С. 117.

References:

1. Sadyrbaev, K. Zh. (2020). Transgranichnoe vodopol'zovanie v Tsentral'noi Azii: mezhdru konfliktami i sotrudnichestvom. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo universiteta*, (12(4)), 88. (in Russian).
2. Zakhidov, N. (2008). Water resources management in Central Asia: Conflicts and cooperation. *Environmental Politics*, 17(3), 451–470. (in Russian).
3. Zhil'tsov, S., & Bimenova, A. (2015). Politika stran Tsentral'noi Azii v oblasti ispol'zovaniya vodnykh resursov transgranichnykh rek. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 18(1), 90-100. (in Russian).
4. Zayavlenie rukovoditelei vodokhozyaistvennykh organov respublik Srednei Azii i Kazakhstana. 1991. <http://www.icwc-aral.uz/>

5. Mezhpripravitel'stvennoe soglasenie "O sotrudnichestve v sfere sovmestnogo upravleniya ispol'zovaniem i okhranoi vodnykh resursov mezhgosudarstvennykh istochnikov" ot 18 fevralya 1992 g. <http://www.icwc-aral.uz/>
6. Polozhenie o Mezhhgosudarstvennoi koordinatsionnoi vodokhozyaistvennoi komissii Tsentral'noi Azii (MKVK) ot 5 dekabrya 1992 g. <http://www.icwc-aral.uz/>
7. Konstitutsiya Kyrgyzskoi Respubliki. Vvedena v deistvie Zakonom Kyrgyzskoi Respubliki ot 5 maya 2021 g. <https://cbd.minjust.gov.kg/>
8. Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan. V redaktsii referendum ot 22 maya 2016 g. <https://mfa.tj/ru/bishkek/tadzhikistan/konstitutsiya>
9. Konstitutsiya Respubliki Uzbekistan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 1 maya 2023 g). <https://online.zakon.kz/>
10. Konstitutsiya Turkmenistana (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 21 yanvarya 2023 g). <https://online.zakon.kz/>
11. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 19 sentyabrya 2022 g). <https://online.zakon.kz/>
12. Vodnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 27 iyunya 2025 g №128. <https://cbd.minjust.gov.kg/>
13. Kodeks Respubliki Kazakhstan «Vodnyi kodeks Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2026 g). <https://online.zakon.kz/>
14. Vodnyi kodeks Respubliki Uzbekistan. Utverzhden Zakonom Respubliki Uzbekistan ot 30 iyulya 2025 g №ZRU-1076). <https://online.zakon.kz/>
15. Vodnyi kodeks Respubliki Tadzhikistan ot 2 aprelya 2020 g №1688. <https://continent-online.com/>
16. Vodnyi kodeks Turkmenistana (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 3 iyunya 2023 g). <https://online.zakon.kz/>
17. Adamkulova, Ch. U., Aitbaev, Zh. K., Dankov, A. G., Dzhorobekova, A. G., & Doskozhaeva, A. K. (2024). Novyi etap v reshenii problem transgranichnykh rek Tsentral'noi Azii (2016-2023 g.g.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (87), 117. (in Russian).

Поступила в редакцию
15.05.2026 г.

Принята к публикации
26.05.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Тукубашева А. И., Байгазиева Д. М., Мирлан кызы И. Водное законодательство стран Центральной Азии: сравнительно-правовой анализ // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №8. С. 298-304. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/34>

Cite as (APA):

Tukubasheva, A., Baygazieva, D., & Mirlan kyzy, I. (2026). Water Legislation of Central Asian Countries: A Comparative Legal Analysis. *Bulletin of Science and Practice*, 12(8), 298-304. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/34>